

Книжная полка**ЭТНОС, ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ИНСТИТУТ****(Рецензия на книгу: Барбашин М.Ю.****Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. — Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2013. — 355 с.)*****А.М. Кузнецов****Дальневосточный государственный университет*

Аннотация: *В публикации рассматриваются некоторые аспекты изучения этнических проблем, которые были подняты в монографии М.Ю. Барбашина. Этот автор предпринял новаторскую для нашей российской традиции попытку использовать возможности неoinституционального подхода к переопределению концепта «этничность». В соответствии с заданными в зарубежной традиции установками он также отдал дань категории «идентичность». Вместе с тем, Барбашин попытался совместить эти современные идеи с более привычной для нас категорией этногенеза. В числе положительных моментов данной монографии рецензент отмечает аргументированную критику возможностей конструктивизма, а к недостаткам относит недостаточное знакомство автора с отечественной литературой по проблематике этноса.*

Ключевые слова: *этногенез этничность, этническая общность, институт, этноинститут, идентичность, этногенез.*

Новые события в разных концах света снова актуализируют этническую проблематику. При этом усилия специалистов так и не дали надежных рецептов не то что для ее решения, но даже для определения собственно этнических общностей. Появление в последнее время явно неудачных публикаций точно не прибавляют оптимизма насчет положительного изменения сложившейся ситуации [например, Бочкарев 2008; Платонов 2002]. Так что провозглашенный В.А. Тишковым «Реквием по этносу» имел под собой основания. Не случайно общий тренд последнего времени по рассматриваемой тематике, с подачи зарубежных специалистов, сместился в область этнической идентичности. Поэтому и монография М.Ю. Барбашина «Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах», на первый взгляд, могла бы показаться не такой уж и оригинальной [Барбашин 2013]. Однако обозначенное в заглавии введение в привычное поле не за-

тасканных здесь концептов «институт» и «институциональное воспроизводство» уже заслуживало внимания. Затем, когда узнаешь об условиях создания, апробации и оценках рассматриваемой публикации, закрадывается мысль: а может быть это и есть тот долгожданный прорыв?! Тем более, что только справочный аппарат и список литературы данной монографии уже впечатляют авторской эрудицией по разным направлениям этнической проблематики, прежде всего, по части англофонских публикаций. Давайте посмотрим, насколько содержание текста оправдывает наши читательские ожидания.

Во введении автор, обосновывая неоинституционалистские основания своего исследования, высказал уверенность: «Я полагаю, что, будучи включенным в сферу этносоциологического анализа, институциональный фактор приведет к существенному пересмотру некоторых основных положений этносоциологии, по крайней мере, в той части, которая называется «теорией этнической идентичности» [там же: 6]. Но надо отдать ему должное, в отличие от многих других, пишущих на эту тему, он понимает: «Принятие индивидом этноидентичности часто связано с проблемой общего социально-психологического климата в современном мире, в котором существенную структурную деформацию претерпевают институты, регулирующие поведение в рамках этнолокальных сообществ» [там же: 9]. Поэтому М.Ю. Барбашин решил проанализировать и традиционную проблему этнологии/этносоциологии — этногенез в рамках институциональной теории.

Достаточно новаторский подход позволил ему на начальном этапе исследования предложить оригинальное разрешение порядком набившего оскомину противостояния между примордиалистами и конструктивистами. Здесь надо снова отдать должное автору, так как он для обсуждения проблемы активно использовал данные генетики, психологии и некоторых других отраслей, которыми были не очень озабочены этнологи или социологи. Отсюда, вероятно, можно выводить и его приверженность идее границы общности (популяции). Подобно некоторым весьма именитым авторам (те же Ф. Барт и Н. Луман), Барбашин полагает: «Границы между сообществами с внутренне локализованными культурами могут иметь четкие пространственные, физические, психологические или социальные ориентиры, поскольку любой вид фронтального отличия приводит к предпочтению „собственной“ группы перед любой другой» [там же: 15]. Понятно, что устойчивость этнической общности и ее границ является важным условием сохранения «генетического фонда» конкретной общности и этногенеза в целом. При этом автор не склонен впадать и в генетические крайности. Правда, изложенные им причины сдержанного отношения к таким данным не всегда бесспорны: «Последний методологический недостаток генетических теорий примордиализма связан с относительно низким уровнем развития генетики как таковой. Эта наука находится еще на ранней стадии своего развития (особенно в России), и поэтому многие ее предпосылки пока эмпирически не проверены и являются скорее вариациями рассуждений с точки зрения здравого смысла» [там же: 30]. Достаточно критично он рассмотрел и разные версии примордиализма (П. ван ден Берге, А. Ройс, Р. Сеннетт и др.), выбрав из существующих российских концепций для анализа вариант теории этноса Л.Н. Гумилева и «лингвистический примордиализм».

Обратившись же к основным постулатам конструктивизма и, в частности, к тезису П. Бурдьё: «Социальные группы возникают, когда их существование проговаривается вслух», — Барбашин достаточно обстоятельно рассмотрел практику использования данного подхода для решения этнических проблем. Задействовав при этом значительный объем зарубежной литературы, он смог констатировать: «Конструктивизм рассматривает этнос как искусственно созданную теоретическую и интерпретационную конструкцию, а этногенез — как порождение внешних ситуационных вызовов и механизмов одновременного включения и исключения, создающих сознательный и стратегический доступ к наградам и позитивным благам для одной группы и отрицающий их для другой или других» [там же: 42]. Однако, ав-

тор не ограничился констатацией общих положений представленных подходов, а сформулировал собственную позицию в данном вопросе. «В конструктивистском понимании примордиализму достается роль „лженаучного“ направления, которая в советское время отводилась генетике и кибернетике. Но весьма немногие из критиков примордиализма затрудняют себя тщательным изучением современных примордиальных теорий. Биологическое связывают с политическим с тем же упорством, с которым правоверные нападают на еретиков, стремясь их уничтожить или, как минимум, изгнать» [там же: 45]. Сам М.Ю. Барбашин отдал должное попыткам объединить примордиализм и конструктивизм в форме «неоконструктивизма» (Дж. Комарофф) и предложил использовать его потенциал для создания «синтетической теории» этногенеза. Показательно, что в предлагаемой теории конструктивизм был подвергнут очень критической верификации. Автор вполне резонно отмечает, что «сконструированная идентичность должна существовать до того, как ее выбирает человек. Первой проблемой конструирования является необходимость организации идентификационного материала, полученного из различных источников, в достаточно связанную между собой схему» [там же: 48]. По этой и другим причинам, как он полагает, в процессе конструирования возможны неудачи и ошибки, которые нельзя сбрасывать со счетов. Кроме того, обращение к данным психологии позволило ему констатировать: «В психологии стадия конструктивизма — это период младенчества. Ребенок путем конструирования стремится убедиться в том, что он может контролировать внешнее окружение» [там же: 49]. Неприятие крайностей конструктивизма, побудило Барбашина пойти еще дальше: «Идеальные конструктивисты — это психически неустойчивые люди, страдающие от некоторых заболеваний коры головного мозга, которые постоянно забывают, кто они такие. Им приходится по нескольку раз за день воссоздавать собственную идентичность практически „с нуля“, постоянно конструировать себя с тем, чтобы на следующий день оказаться в ситуации предшествующего, уже прожитого дня — без всяких соответствующих последствий в изменении текущего поведения» [там же: 52].

Несколько критико-публицистический настрой в отношении конструктивизма не помешал автору полностью принять важность связанного с ним конструкта — идентичности «в поддержании устойчивости этногенеза». Но он учел возможности использования для его анализа эмического подхода, который, вроде бы, позволяет выйти из постмодернистского тупика и помогает исследователю «понять концептуальную систему наблюдаемых и разместить свои наблюдения наилучшим образом в их концептуальной структуре». Кроме того, Барбашин не упускает из вида значение разных этапов жизни человека в формировании, изменении и трансляции идентичности и соответствующей ей этничности. Например: «Этничность в до-подростковом возрасте воспринимается как „этничность, принимаемая на веру“. В период социализации ребенок усваивает получаемые от родителей этноязыковые практики и приписанную этническую идентичность. На этом уровне собственная этничность просто осознается, но ее фоновое социально-психологическое осознание не концептуализируется в виде взаимосвязанной системы институтов, эмоций и чувств» [там же: 71]. Понятно, что в последующем степень свободы в отношении этничности, и особенно своей идентичности, у индивида возрастает.

Автор в курсе современных проблем методологии познания в современном социально-гуманитарном знании и предложений по их решению. Наряду с информированностью по поводу тех же когнитивных психологических вопросов, он рассматривает постмодернистские исследовательские практики и обсуждает особенности позитивистского (естественно-научного) познания. Такая подготовленность позволила ему констатировать: «Отечественная социология этногенеза нуждается в новом методологическом инструменте, основой которого может послужить неоинституциональный анализ и использование которого в этноинституциональных и этносоциальных исследованиях можно концептуализировать в виде единого

направления — этноинституционализма». Что ж, поскольку и зарубежные антропологи только недавно стали каяться за позднее использование концепций неoinституционализма, то и здесь Барашин оказывается в передовом «тренде». В соответствии с принятыми в указанных концепциях требованиями, автор конкретизировал свою позицию: «Этот подход „институциональный“, поскольку основные объясняющие градуалистские переменные включают в себя набор институциональных соглашений, которые используются этногруппами. Его достоинства и преимущества как эвристической социологической концепции анализа состоят в абстрагировании от конкретно-ситуационной сложности и моделировании рамочных конструкций типичных социальных дилемм, связанных с многомерным институциональным воспроизводством этногрупп, где субъект воспроизводства является одновременно и его объектом» [там же: 108].

Обоснование сделанного выбора было осуществлено на результатах исследований конкретных ситуаций командой Э. Остром, которые, в частности, показали: «Сложности носили структурный характер: необходимые институты или не побуждали социальных агентов следить за общей собственностью, или вообще отсутствовали, что провоцировало оппортунистское поведение даже у первоначально сознательных и экологически ориентированных индивидов» [там же: 110]. Поэтому зарубежные специалисты пришли к выводу: «...чтобы не допускать ситуаций экстенсивного и бесконтрольного использования природных ресурсов и связанных с этим распада социальных связей внутри сообщества, нужно разрабатывать конфигурацию институциональных отношений. Она включает создание определенных социальных норм, которые неoinституционалисты называют правилами входа и выхода, процедурными и информационными правилами, правилами мониторинга с соответствующим наказанием виновных в несоблюдении правил» [там же: 111]. Основываясь на зарубежных материалах, М.Ю. Барбашин уверенно повторяет тезис о необходимости использования и теории рационального выбора, которая «изучает рациональные микрооснования институтов, т. е. процессы рационального выбора, посредством которых институты конструируются социальными агентами в контексте поддержания социального равновесия» [там же: 112].

В своей уверенности в способности этноинституционализма противостоять «постмодернистской эпистемологии, которая рассматривает этногенез как определенный текст или акт говорения», автор возлагает особые надежды на тезис об институциональном изоморфизме. Он уверен: «...институты этничности одной этногруппы похожи на институты этничности другой группы гораздо больше, чем, к примеру, на институты управления». Из приведенных посылок вполне логично был сделан вывод: «Этногенез проходит в соответствии с принципами институционального изоморфизма, когда появляющиеся постоянно новые институты группы структурируются таким образом, чтобы они соответствовали формам господствующих бихевиоральных стандартов у других этногрупп» [там же: 117]. В определении института (этноинститута) Барбашин не особо оригинален и следует наиболее распространенной нормативной их трактовке: «Институты концептуализируются в основном как наборы позитивных (побуждения) и негативных (правил) мотиваций для индивидов, при этом динамику поведения в рамках этих моделей обеспечивает индивидуальная максимизация полезности» [там же: 118–119]. Под влиянием «экономического империализма» он также продолжает: «Институты... скрыты от внешнего наблюдателя и понятны только непосредственным участникам, поскольку они, как правило, существуют в неписанной форме, на уровне устно сформулированных норм поведения, нигде не зафиксированы, и их довольно трудно уловить „со стороны“» [там же: 119]. Новаторство (или креативность?) начинается при трансляции экономического/социального институционализма на этническое пространство. «В рамках этноинституционализма этничность можно рассматривать как набор этноправил (т. е. неформальных этноинститутов), регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей, струк-

турирующих этносоциальные действия как результирующие многочисленных индивидуальных событий» [там же: 122].

Спору нет, для этнологии — это достаточно свежая трактовка ее основного объекта исследований. Вместе с тем автору все же понадобилось такое явление, как локальное сообщество. Значение подобных образований было связано с их ролью «сообществ практики» в которых индивиды передают друг другу знания, навыки и иной социальный опыт, в т. ч. этноидентификационного характера, встроенного в институциональные рутины посредством трансмиссии или институциональных «утечек» [там же: 124]. Как авторскую дань теории рационального выбора можно рассматривать значение, придаваемое так называемым «информационным посредникам»: «Это библиотекари, учителя, врачи и прочие лидеры общественного мнения и „активные юзеры“, которые, по сравнению с „неактивными“, используют большую часть общих коллективных ресурсов и реинтерпретируют этничность по мере создания нового смысла» [там же]. Благодаря таким посредникам, полагает Барбашин, и обеспечивается «полное участие местных жителей во всех социокультурных и социально-политических практиках сообщества».

Как положительный момент подхода автора к проблеме следует отметить его внимание к процессуальной стороне этноинституционализма: воспроизводству и распаду институтов. С подачи американских специалистов, прежде всего Е. Остром и С. Кроуфорда, анализ рассматриваемых процессов был проведен с учетом различения конвенций (стратегий), норм и правил. Конвенция в предлагаемой трактовке является самой «простой и устойчивой формой организации социальной материи», предусматривающей «конкретизацию ситуаций, действий и субъектов». Необходимый эффект в рамках рассматриваемого явления должен получаться в результате перцепции рутинизации и распространении. Норма уже характеризуется появлением элемента должностования и, «таким образом, носит условно-обязательный характер, который обеспечивается деонтологическими операторами, выражающими три четких модальных состояния (запрет, требование, разрешение)». Она основывается на трех элементах: «конвенциональность, распространенность и кондициональность, подразумевающая наличие одного или нескольких условий следования». Что касается правила, то оно должно содержать уже четыре институциональных элемента, которые в дополнение к вышеперечисленным компонентам включают социальное принуждение [там же: 128]. Барбашин принимает вывод американских специалистов, согласно которому «конвенциональность как перцептивная и рутинизированная последовательность институтов... придает значение всему миру, проводит границы и отделяет социальный порядок от хаотической непредсказуемости». Столь масштабные возможности данного явления были связаны всего лишь с приписываемой ему способностью задавать «одинаковое отношение к одинаковым ситуациям».

Рассмотрев общие вопросы трактовки концепта институт, автор предложил свое видение этносоциума. «Институциональное пространство этносоциума можно сравнить с футбольным полем. Этноинституты разграничивают границы этого поля с помощью набора общих правил, после чего все остальные решения субъекты предпринимают сами. Этноинституты определяют выбор индивидов в зависимости от имеющейся информации и ресурсов, установленных основных правил социальных транзакций, связанных с координацией, получением необходимой информации и/или избеганием отрицательных последствий. Этноинституты минимизируют затраты социальных ресурсов на воспроизводство обычаев, норм и социальной структуры» [там же: 135]. Однако, как признает Барбашин, прежде чем институт сможет выполнять свои функции он должен оформиться на основе некоторого набора инноваций, которые проходят общественный отбор. «Законы естественного отбора действуют не только в биологической сфере...». Поэтому «если инновации принимаются социальной системой, то они в той или иной форме стереотипизируются и закрепляются культурной тради-

цией...». После чего «в конечной стадии институционализации, которая называется „сидиментизацией“, инновация сохраняется на протяжении жизни нескольких поколений и распространяется фактически ко всем людям, которые потенциально могут ее заимствовать» [там же: 137]. Он также приводит перечень конкретных институциональных стратегий, «которые играют большую роль в изменениях индивидуальных и коллективных перцепций прежних институтов». В их числе указаны: 1. Интерпретация — т. е. диагностика проблемы, формулировка общих правил и селективное придание нового смысла. Для выполнения этой задачи «этносубъекты должны найти некоторую общность в своих взглядах. Это предполагает активное обсуждение таких общих категорий общественного сознания, как „этничность“, „этнокультура“, „этногенез“, „этноидентификация“...». 2. Импринтинг (по А. Стинчкомбу), предполагающий механическое следование индивидов кристаллизовавшимся правилам поведения. 3. Сидиментация, которая с точки зрения неоинституционалистов представляет собой замену «существующих институтов не новыми, а предшествующими структурами». 4. Фрейминг как «создание „рамочных“ институциональных конструкций посредством переговоров между ключевыми этносоциальными субъектами». 5. Бриколаж или «креативное комбинирование, переосмысление и эклектическая репродукция символических и структурных паттернов, заимствованных из советских норм, культурных традиций с собственными идеями этнопредпринимателей. Бриколаж является сложной институциональной стратегией адаптации и одновременного конструирования новой этноидентичности» [там же: 150–151].

Ситуация деинституционализации т. е. распада институтов были описана на ряде конкретных примеров (хорваты, русские в Таджикистане) распада этноидентичности по этнорелигиозным критериям, под влиянием языка и некоторых других обстоятельств («русскодумящие»).

В рамках институционального подхода М.Ю. Барбашин предложил и свою классификацию этноинститутов:

1. Институты границ («кто входит в состав этнической группы, кто потенциально может войти, а кто совершенно точно должен быть исключен»).

2. Институты сферы деятельности («допустимые» и «недопустимые» сферы этнической деятельности, часто воплощаемые в виде этнической экономики).

3. Процедурные институты (включая этнолингвоинституты, в особенности, коммуникационные правила использования того или иного языкового кода для общения между своими и между «своими» и «чужими»).

4. Информационные институты (правила информирования этносообщества о ключевых событиях и возможных когнитивных и эмоциональных реакциях на них)» [там же: 173–174].

Закрыв на этом вопрос об этноинститутах, автор попытался сформировать свое видение этничности как таковой. По его мнению, «этничность фактически возникает, когда накапливается критическая масса институциональных исключений, которые нужно социально легитимизировать. Появление этничности связано с институциональным усложнением социума» [там же: 178]. Поэтому он не принимает постулат классической этносоциологии о значительной социальной силе этничности и этнических лояльностей и приходит к заключению о неустойчивости этничности, ее институциональной слабости по сравнению с другими формами социальной идентификации. «Этничность позволяет социальным агентам нарушать, по крайней мере, некоторые нормы этноповедения в культурном, конфессиональном и/или языковом повседневном пространстве, не становясь при этом полностью нелояльными к сообществу и оставаясь в составе этногруппы» [там же: 181]. Столь гибкая трактовка этничности позволяет Барбашину делать примечательные выводы: «Однако большая часть социального пространства свободна от межэтнических столкновений. Например, транспорт: представители даже враждебных этнических сторон и националистических группировок обычно спокой-

но летят в самолете. Редко возникают межэтнические конфликты в поездах, на теплоходах, рейсовых автобусах и т. п. То же относится ко многим стационарным объектам: гостиницы, супермаркеты, фитнес — центры и пр., хотя в небольшом и замкнутом пространстве находится множество людей с разными религиозными и национальными традициями, противоречащими друг другу взглядами и социальными стереотипами. Межэтнические конфликты, о которых сообщают СМИ, происходят большей частью на улицах, дорогах, в парках, скверах и т. п.» [там же: 182]. Но в рамках своих представлений он приходит и к более глубоким обобщениям: «Этничность доминирует в социуме, где издержки на альтернативные социализационные паттерны велики. И наоборот, деэтнизация происходит, когда снижаются издержки на внеэтническую социализацию. Деэтнизация — это не отказ от этничности в общем виде. Это процесс переструктурирования институционального пространства группы, когда институциональные пустоты и лакуны этноидентификации занимают другие институциональные формы социальных идентификаций» [там же: 189].

Представив свое видение этноинституционального подхода в решении проблем этногенеза и характеристику этноинститутов, автор, чтобы продемонстрировать их практические возможности, обратился к конкретным ситуациям полиэтнических обществ Советского Союза и современной России. По его мнению, институционализация и этногенез в СССР проходили таким образом, что «почти во всех советских регионах титульность проявлялась в том, что одна из этногрупп становилась доминирующей во властных отношениях и начинала контролировать общественный дискурс как полиэтничного региона, так и в значительной мере других этногрупп» [там же: 197]. При этом, уверен Барбашин, «в 1960–1970-е гг. структура союзного этносоциального пространства отличалась высокой степенью институциональной гомогенности. В советском обществе в целом доминировали схожие правила поведения. Этнокультурный компонент этноидентичностей сохранялся в виде экзотивированных, в некоторой степени юродивизированных и стигматизированных в общественном сознании традиций в ношении одежды, использовании языка, кухни и т. п.». Достижение столь высокой гомогенности автор связал с тем обстоятельством, что «советский режим создал эффективные институциональные структуры, направляющие этногенез в контролируемое партийными органами административное русло. Основные национальности, утвержденные партийным руководством, фиксировались в официальных документах, в т. ч. которые носили индивидуальный характер» [там же: 209]. Поэтому он уделил внимание и вопросу «советскости», и основаниям советской этнографии.

Обратившись к состоянию этногенеза в современной России, М.Ю. Барбашин уже был вынужден рассматривать ее через призму этноконфликтологии. Произошедшая после распада СССР деградация и деформация основных институтов привела к тому, что, по мнению автора, «наиболее уязвимым к экономическому, политическому и административному давлению со стороны титульных этногрупп было русское и русскоязычное население южнороссийских республик, которое подвергалось дискриминации и преследованиям». Подобное отношение, как было показано, преследовало следующие цели: «Этнонационалисты рассчитывали на то, что старшее поколение русских и русскоязычных просто уйдет из жизни или будет физически вытеснено за территории республик, а молодежь удастся отсечь от русских институтов и ассимилировать в титульную этнокультуру». Некоторые кавказоведы даже определяют ядро северокавказской культуры следующим образом: то, что «недопустимо в отношении своих, допустимо в отношении русских» [там же: 274].

Заслуживает внимания и еще одна новая черта «этногенеза» в регионе: «Важной институциональной формой этнодифференцирующих процессов на Юге России является диаспорагенез как формирование транслокальных сетей беженцев, мигрантов и вынужденных переселенцев... С 1989 г. на Юге России существенно возрос удельный вес этногрупп армян, гру-

зин, месхетинских турок, хемшил, лазов, батумских турок, терекеме, удин, езидов, курман, поша, махо и пр. Сократилась численность украинцев, белорусов, немцев, греков, адыгейцев, евреев, финно-угорских народов» [там же: 278].

Одной из причин создавшегося положения было названо «недостаточное институциональное разграничение российскости и русскости» — в классической этносоциологии. «Для нее межэтнические отношения являются иерархизированными, по крайней мере, на индивидуальном уровне» [там же: 280]. Будучи убежден в том, что «социальное значение имеет не этничность сама по себе, а ее институциональное содержание», М.Ю. Барбашин полагает: «Неприятие мигрантов и/или граждан с другой этнической принадлежностью является результатом не столько имманентной ксенофобии, расизма, этноцентризма, тоталитарной истории прошлого и пр., сколько воздействием институциональной неопределенности на социальное поведение» [там же: 282]. С другой стороны, рост «среди населения страны в целом представлений об иерархизированности этноотношений и о необходимости поддержания титульности уже русского этноса в рамках России» был также связан с продвижением «институционального концепта титульности как набора предпочтений и прав определенным этническим группам на региональном уровне» [там же: 283].

Серьезную деформацию процессов трансмиссии этноидентичности автор связывает с 2000-ми гг., когда «внутригрупповое межличностное сцепление ослабло, снизились ресурсные и временные издержки на заимствование норм и ценностей других этнокультур... Постсоветское ускорение трансмиссии этноидентичностей приводит к тому, что у этносоциальных агентов появилось больше возможностей выбора этноинститутов, которые в советском прошлом воспринимались бы как девиантные и маргинальные» [там же: 283–284]. Неудивительно, что в это время наблюдался «регресс ряда этногрупп к практически исчезнувшим в советском социальном пространстве этноинститутам, характерным для докапиталистических отношений» [там же: 284]. Дальнейшее развитие этого процесса и «появление патримониально-деспотических режимов сопровождалось понижением экономического уровня жизни населения, распадом возникших в советское время институтов, а также архаизацией этносоциальных отношений в целом. Под „зонтиком“ идеологии восстановления исторической справедливости и развития этнокультуры титульные этногруппы, тейпы и кланы стали занимать привилегированные позиции в политической, экономической и административной сферах» [там же: 286]. Отмечено влияние на характер рассматриваемого процесса еще одного фактора. «На Юге России процессы этногенеза традиционно происходят в условиях доминирования горного ландшафта и относительной изоляции территорий друг от друга, зачастую раздельного этнокультурного развития и как следствие этноинституциональных различий между жителями даже соседних долин. У северокавказских этносов традиционно обострено чувство этнопринадлежности. Язык, гордость за свой этнос, преданность его этнокультурным институтам доминируют в качестве главных идентификационных маркеров» [там же: 295].

В то же время, как отмечает автор, социологи наблюдали, что «сначала XXI в. в южно-российском социальном пространстве активно происходят этноинтеграционные процессы формирования новых межэтнокультурных и конфессионно-культурных общностей „российских южан“ и „южнороссиян“» [там же: 296]. Как отрицательную тенденцию в рамках данного процесса М.Ю. Барбашин рассматривал «формирующуюся на Юге России в последние годы новую этноконфессиональную идентичность «северокавказского джамаата». По его данным, ключевым идентификационным маркером здесь выступают «не столько родственные и патронимические связи, сколько негативное отношение к федеральным и региональным властям, к российскому присутствию на Северном Кавказе вообще» [там же: 297]. Основными среди северокавказских девиантных этнотерриториальных объединений являют-

ся «кавказский эмират», джамааты «Шариат», «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия), объединенный вилайят Кабардинии, Балкарии и Карачая и др.

Не меньший интерес вызывают приводимые данные об увеличении «абсолютной численности и удельного веса русского этноса на Юге России в результате этноидентификационного перехода русскоязычных субгрупп украинцев, белорусов, немцев и др. в состав русского этноса, что фиксируется посредством социологических опросов и переписей» [там же: 300]. Вместе с тем было отмечено, что планируемые меры по массовому возврату соотечественников вызывают, как правило, недовольство среди русскоязычного местного населения «даже русскими мигрантами из стран Центральной Азии. Они выглядят немного по-другому, по-другому работают, меньше пьют и, в целом, „не совсем русские“» [там же: 301].

Примечательно, что автор не оставляет без внимания и другое обстоятельство: «Этническое предпринимательство появляется в транзитивные периоды, когда предыдущее развитие накопило для этого большое количество материальных ресурсов и социальных институтов. Конструктивизм этноэлит после распада Советского Союза попал на подготовленную почву: имелись ресурсы, подлежащие потенциальному разделению. Университеты, издательства, телевизионные станции, радиoproграммы — социальная инфраструктура уже существовала, просто требовалось поменять социалистическую окраску на более подходящую по политическим мотивам этническую „обертку“» [там же: 306]. Однако, впоследствии этнопредприниматели сталкиваются с проблемой недостатка собственных ресурсов и тогда поиски выхода из сложившейся ситуации могут вывести их на модель замка, разработанную К. Джовиттом в конце 1980-х. «Только в стенах „замка“ правящая элита сможет консолидироваться и, постепенно расширив базовую поддержку в обществе, провести необходимые реформы... Затем, согласно модели, к „возведению стен крепости“ элита должна привлечь другие влиятельные группы, чтобы начать процесс строительства нации. Но, прежде всего, элитной группе нужно развить у жителей „замка“ осознание собственной идентичности и общности целей. Только тогда элита сможет наращивать внутреннюю безопасность. Она послужит социальным товаром, предлагаемым для населения в процессе получения общественной и электоральной поддержки и экономических транзакций» [там же: 309].

Не мог обойти вниманием М.Ю. Барбашин и «горячую тему» миграции и роли мигрантов в этногенезе. Здесь хотелось бы отметить только выведение этой темы в плоскость этнодискурса. «Институциональные противоречия между этноинститутами, привносимыми мигрантами в общественную жизнь, и традиционными нормами локальных общин, т. е. различными уровнями и способами речи различающихся между собой этнодискурсов, потребовали от региональных властей институциональной разработки внутренне конвергентных „правил перевода“ в виде региональных „кодированных“ норм или официально рекомендуемых правил поведения для мигрантов» [там же: 323].

В свете своих исследовательских установок и использованных конкретных данных автор вполне в демократическом духе склонен считать: «Гармонизация межэтнических отношений должна сопровождаться развитием институционального, культурного и ценностного плюрализма, которые помогают вырабатывать чувство толерантности и уважения к другим точкам зрения среди членов различных этноконфессиональных групп, несмотря на прямо противоположные взгляды и конфликтогенную историю взаимных отношений. Нужно снять все политические ограничения, мешающие продвижению институтов толерантности, полирелигиозности и поликультурности и предоставить локальным сообществам права, которые гарантируют им самоуправление и институциональную защиту от волюнтаристских решений элит» [там же: 328–329]. Есть у него в работе и пространный перечень мер в области СМИ, кадровой, языковой, конфессиональной и образовательной политики для устранения этнокон-

фликтных этногенезисных процессов и предотвращения развития регионального национализма. В этом перечне хотелось бы выделить предложение выделять гранты «на развитие принципов этнической толерантности, поддержку коллективов и отдельных представителей творческой и научной интеллигенции, популяризирующих традиции этнокультуры и содействующих укреплению дружбы между этносами» [там же: 331]. В целом же, предлагаемые меры направлены на решение одной серьезной задачи. Как отмечает Барбашин, в силу географических и исторических особенностей горных районов Северного Кавказа, местные жители по-прежнему «характеризуются высокой степенью социальной изоляции, нелояльным и критическим отношением к государству и часто прямым антигосударственным поведением, поэтому именно в горных районах этнорелигиозные экстремисты и террористы легко находят социальную и политическую поддержку» [там же: 336].

В Заключении автор снова отметил необходимость адекватного понимания «не только социальной роли и инструментального значения этничности как таковой, но и институциональной природы этногенеза». Поэтому, согласно его мнению, важным моментом научного исследования должен стать анализ «этноинституциональных транзаций, происходящих в локальных сообществах» [там же: 347]. Поскольку институциональное воспроизводство этногенеза рассматривается как конвенциональное по своему характеру, то для его изучения предлагается рассматривать повторяемость, локализованность и предсказуемость «социальных ситуаций и коллективных дилемм, в рамках которых создаются этноинституты как макронормы поведения и социальные механизмы воспроизводства этносоциальной идентичности» [там же: 350–351]. Значение новых этноинститутов М.Ю. Барбашин видит в том, что они «создают социально-психологическую модель восприятия окружающего мира, которая становится самоподдерживающимся социальным механизмом, испытывающим в то же время постоянные трансформационные преобразования» [там же: 351].

Рассматривая этнополитическую ситуацию в южнороссийских регионах, автор констатирует, что этногенез в местных локальных сообществах «проявляется в активном развитии и формализации субэтнических и субрегиональных диалектов, на основе которых происходит фрагментация и рефрагментация лингвистического и смыслового пространства и структурирование новых субэтноидентичностей» [там же: 353]. Этот процесс «институционального распада этногенеза» рассматривается как важный конфликтогенный фактор, «который способствует росту этноконфессиональных противоречий в постсоветский период. Консолидация и социальная стабилизация регионального социума невозможна без регулирования этногенезисных процессов» [там же]. Значительная роль в деле стабилизации ситуации в регионе была справедливо отведена государству. «Для исправления социальных и модернизационных деформаций институционального развития региона необходима государственная национальная и региональная политика, направленная на расширение диапазона социальных возможностей у субэтнических групп и обеспечение их устойчивого языкового и культурного развития. При этом необходимо элиминировать манипулятивные и силовые практики, способные придать процессам этногенеза насильственный и интолерантный характер и привести к эскалации межэтнических и этноконфессиональных процессов» [там же: 354].

Таким образом, рассмотрев основные идеи, их аргументацию и предложения по практической реализации, изложенные в монографии М.Ю. Барбашина, можно сделать несколько выводов. Прежде всего, следует признать актуальность как рассматриваемых в ней проблем, так и некоторое новаторство в предлагаемых средствах для их решения. Еще раз также отмечаю эрудированность автора по поводу существующей зарубежной литературы в области этнических проблем из разных областей знания. Поэтому, приветствуя в целом предложенные им общие выводы и конкретные рекомендации по стабилизации этнополитической ситуации в южнороссийских регионах, хотелось бы остановиться на некоторых недоработках и дискус-

сионных моментах данного исследования. Сделать это меня побуждает значение этнической проблематики для современной науки в целом и особенно для региона, который рассматривает автор. Сразу должен оговориться, что мой анализ будет касаться в большей мере теоретических и методологических вопросов, поднятых в монографии, а не состояния конфликтности и стабильности в рассматриваемых в ней регионах. По понятным причинам последние обстоятельства выходят за рамки моей компетентности. Я имел возможность поработать на Северном Кавказе и в Закавказье во время экспедиции в 1976 г., и полученных тогда впечатлений этнического порядка мне хватило до настоящего времени, но навряд ли они имеют отношение к современной ситуации. Сразу должен предупредить, что производящая впечатление «заинтересованной придирчивости» строгость некоторых моих суждений, обусловлена только отношением к автору как к профессионалу и нашей общей ответственностью как ученых за предлагаемые нами суждения.

Поскольку М.Ю. Барбашин, как я понимаю, достаточно молодой исследователь я совсем не уверен, что в его годы и с нашими возможностями я сам бы смог сделать что-то лучше, чем он. Общую оценку своей работы невольно дал сам автор, когда привел цитату К. Леонова: «Работников науки в настоящее время больше, чем прежде, но настоящих мастеров почти вовсе нет. Благодаря непрерывному накоплению научного материала, наши молодые ученые знают больше, чем их предшественники, но они хуже их умеют пользоваться своим обильным знанием. Вместо цельных научных созданий мы видим лишь разрастающуюся во все стороны груды строительного материала, и труд ученого все более превращается в черную работу ремесленника» [Леонов 1993: 236]. Поэтому еще одной целью своего обзора я вижу помощь автору в освобождении от этого давления груза данных («фактов»), которым более уместно оставаться в научно-справочном архиве исследователя, в то время как тексте должны присутствовать аналитические интерпретации рассматриваемых явлений, основанные на установленных взаимосвязях и познавательных возможностях первичного материала.

Основная моя претензия к автору заключается в том, что он, взяв за основу неоинституциональный подход из одних областей знания, прежде всего экономики и социологии, применил его напрямую к другим — этнологии и этносоциологии. Конечно, идея института не была чужда и этнологии (антропологии); здесь достаточно будет напомнить о внимании к категории института в британской социальной антропологии. Но эта идея не имела здесь столь основополагающего значения, и проблема в данном случае состоит в том, что институционализм применялся без учета его эвристических возможностей. Поэтому я не могу согласиться с тем, что, оставив без внимания разработки российской научной традиции в области теории этноса и не войдя в курс дебатов о природе этнического явления, М.Ю. Барбашин попытался переопределить категории этноса и этнического на основе избранного им подхода. Конечно, институциональное измерение этнического феномена реально существует, но его сведение только к набору правил — очень опасная редукция, правомерная лишь для исследования частных вопросов. Упование на институциональный изоморфизм как основание для придания институционализму более универсального значения сыграло с автором монографии плохую шутку. Фактически, представив свое видение пространства «этносоциума», он предложил новый конструкт, к тому же изрядно редуцированный, несмотря на свою критику конструктивизма как такового.

Еще одной отличительной стороной предлагаемого конструкта, является недедифференцированность этнического феномена от других сфер общественно-политической жизни, которая еще более усугубляет несоответствие такому уровню исследования принятых концептуальных оснований. Конечно, в реальности бытия все эти сферы так и существуют, но неоинституциональный подход слишком ограничен в своих теоретических и методологических возможностях, чтобы эффективно исследовать столь сложное единство, каким является соци-

альная организация в условиях полиэтнического состава населения современного немаленького государства. Не случайно автор, рассматривая этнические проблемы, не проанализировал ни одного собственно этнического института, прежде всего, кланов и кровнородственно-семейных отношений, столь значимых для Северо-Кавказского региона. Показательно также, что предложенная им классификация этноинститутов носит сугубо функциональный, а значит содержательный, т. е. «этнически слепой» характер. Несоответствие теоретико-методологических оснований задачам исследования проявляется также в том, что рассматривая ситуацию в СССР и современной России, автор незаметно для себя вышел уже в проблемную область не просто этноконфликтологии, но этнополитологии. Данная субдисциплина занимается этнонациональной политикой государства и реакцией на нее со стороны этнических общностей («наций»), а также участием этнических общностей в политике. В ней есть своя институциональная составляющая, но точно так же, как анализ собственно этнического феномена предполагает применение адекватных ему концептуальных средств, так и этнополитическое исследование должно проводиться с применением соответствующих установок и методов. Скажем, через призму такого эвристичного концепта как «нациестроительство».

Выбранный под влиянием зарубежной традиции фокус на этническую идентичность здесь не мог спасти исследование в силу своих ограничений, присущих уже этому подходу. Сам автор, вероятно, под влиянием собранного им конкретного материала в тексте уже вернулся к более корректной интерпретации явления идентичности в духе Э. Эриксона, рассматривая ее в соотношении с общественными условиями (локальными сообществами). При этом Барбашин повторяет, что институт «почти невидим» и его трудно отразить. Следует учитывать, что с трудностями рационального осмысления институциональных и этнических явлений в целом сталкиваются не только исследователи, но и сами представители соответствующих общностей. Иначе зачем автор выделил особую роль своих «информационных посредников». Однако опыт антропологии/этнологии недвусмысленно свидетельствует, что в достаточно крупных объединениях подобные активисты также вынуждены конструировать образы своих этнических общностей и их институтов. Ведь сколько проблем доставила специалистам та же ситуативность, присущая идентичностям. Кстати, неплохо бы также вычленив политику идентичности, проводимую государством в своих целях.

Можно приветствовать попытку автора представить свое исследование как исследование проблем этногенеза, если речь идет о стремлении внести в него момент динамики, изменчивости этнических явлений. Однако, у этого концепта также есть свое ограничение, так как он предполагает в основном анализ этапа становления этнической общности. Потом же начинается то, что принято называть этнической историей, есть еще и этническая современность. В монографии эти разные состояния этнических общностей через разный фактический материал получили освещение, но почему была выделена только стадия этногенеза, остается непонятно. Тем более, что одним из безусловно положительных моментов данного исследования является обращение к вопросу распада этноинститутов.

Таким образом можно констатировать, что на данном этапе своего научной биографии М.Ю. Барбашин оказался под доминирующим влиянием западных подходов и концепций исследования этнических явлений. В результате он проникся представлением о слабости этничности, которую должны подкреплять институты. Но то, что подходит для анализа мигрантских общностей городов Северной Америки и Западной Европы, не всегда «работает» в условиях того же Кавказа. Кроме того, избранные автором теоретико-методологические основания его исследования могли помочь в анализе преимущественно социальных институтов и некоторых аспектов их включенности в политику. Однако даже этническая проблематика — более сложный феномен, а уж бытование этнических общностей в социально-политическом

контексте государства является для специалиста задачей еще более сложного порядка. Поэтому более приемлемой концептуальной основой для достижения целей рассматриваемого исследования может быть не неоинституционализм, а системная парадигма, включающая принцип аутопоэзиса, разработанная пусть и не нобелевскими лауреатами У. Матураной, Ф. Варелой и Н. Луманом. Ведь помимо прочих достоинств, идея аутопоэзиса уже включает в себя и положения, отстаиваемые «моделью замка».

Хотелось бы также обратить внимание автора на высоко эвристичный потенциал поздней версии теории этноса С.М. Широкогорова. Этот выдающийся исследователь еще в 1935 г. предложил рассматривать этнос уже как процесс, в который включены этнические общности. Таким образом, в рамках этноса этнические общности могут продолжать свое существование, некоторые из них — распадаются, но при этом могут образовываться новые общности. Важное значение для исследования этнических проблем имеет теория психоментального комплекса этого автора как основного достояния этнической общности [Shirokogoroff 1935; Кузнецов 2006]. Представленная теория лучше объясняет моделирование окружающего мира, чем плоская альтернатива рационального выбора и ограниченной идентичности. В целом же теория Широкогорова является наиболее корректным на сегодняшний день образцом применения системной методологии к проблемам этноса. При смене концептуальных оснований М.Ю. Барбашин, который имеет высокий научный потенциал, избавится от своих редуccionистских ограничений и сможет более корректно решать интересующие его проблемы высокой актуальности.

Барбашин М.Ю. 2013. *Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах*. — Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ. — 355 с.

Бочкарев А.А. 2008. *Фундаментальные основы этногенеза. Учебное пособие*. — М.: Издательство «Флинта». Московский психолого-социальный институт. — 459 с.

Кузнецов А.М. 2006 Теория этноса С.М. Широкогорова. — *Этнографическое обозрение*. — № 3.

Леонов К. 1993. *Избранное*. — М.: Наука.

Платонов Ю.П. 2002. *Этнический фактор: геополитика и психология*. — СПб.: Речь. — 520 с.

Shirokogoroff S.M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. — L., Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., LTD.